

Поначалу Линь Хуайшэн даже не осознал враждебности Исера. Он продолжал что-то сбивчиво говорить, словно его рот и мозг существовали отдельно друг от друга. И так уже жалок из-за слепоты, а теперь еще и выглядит как маленький дурачок. Когда же до Линь Хуайшэна наконец дошло, он испытал такой прилив неловкости, какого не чувствовал никогда прежде.

Он не видел, как пылают его щеки, но это жгучее чувство стыда, от которого хотелось провалиться сквозь землю, превратило его в легкую добычу, чей конфуз стал для других поводом для насмешек.

Арнольд нахмурился и оборвал Исера, который уже собирался продолжить изливать яд:

— Хватит.

Исер пожал плечами:

— Конечно. Послушаемся нашего праведника.

Но от этого движения он задел рану и тут же поморщился от боли. Даже в таком состоянии он стремился сделать так, чтобы всем вокруг стало так же плохо, как ему самому.

Арнольда утомляли подобные колючие личности, поэтому он снова повернулся к Линь Хуайшэну.

Юноша с того самого момента не шевелился. Казалось, под градом прямых и грубых слов Исера он превратился в безжизненную серую статую. Арнольд чувствовал досаду, но к такому застенчивому, нелюдимому и совсем еще молодому парню он сохранял терпение, стараясь вести диалог деликатно.

— Похитители не давали нам еды последние два дня. Линь, ты что-нибудь ел?

Словно благодарный Арнольду за то, что тот сменил тему, Линь Хуайшэн с шумом выдохнул. Слишком явно, он даже не попытался этого скрыть, а его лицо вспыхнуло еще сильнее.

Линь Хуайшэн отвечал почти на каждый вопрос, добровольно рассказывая Арнольду о том, что с ним происходило, включая и то, что его, вопреки болезни, окружили заботой. Что же касается еды, он ответил честно:

— Нет.

Золотоволосый мужчина, который только что «любезно» отвернулся, снова обернулся, чтобы высмеять Линь Хуайшэна. Исер небрежно откинул со лба растрепанные пряди, чтобы лучше разглядеть, какой же перед ним фантазер-дурак или бездарный лжец. Он видел, как приоткрыты губы азиата, на них даже виднелись трещинки, но цвет их вернулся к ярко-розовому, словно у розы,ждавшей живой влаги после долгой засухи. Впрочем, эта роза вполне могла выпустить и ядовитые шипы.

Разумеется, сейчас единственным настоящим шипом были слова Исера:

— Раз он такой хороший и столько для тебя делает, как ты говоришь, то почему же он не дал тебе поесть?

Линь Хуайшэн замер.

Юноша ничего не видел, но в этот момент его лицо как нельзя лучше выражало беспомощность, застывшую в его глазах. Исер был резок, но его тон оставался подчеркнуто элегантным, и именно это окончательно сломило Линь Хуайшэна.

Он не стал возражать, не стал, как прежде, защищать себя и своего похитителя. Стокгольмский синдром не давал ему аргументов, чтобы оправдать происходящее даже перед самим собой. Он был в смятении и в следующую секунду готов был бежать, но он был слеп, бежать было некуда, и в итоге он просто застыл на месте, став беззащитным ягненком, отданным на заклание.

Глядя на это, Исер внезапно потерял интерес. Травить того, кто подобен беззащитному ягненку, было бессмысленно, к тому же это роняло его собственное достоинство. Исер еще пару раз взглянул на юношу. Его самого мучила головная боль, перед глазами плыло, и Линь Хуайшэн двоился, троился, каждый его образ был по-своему ярок, а вместе они складывались в нечто пугающее. Исер окончательно отвернулся, больше не желая вступать в противостояние.

Вид потерянного Линь Хуайшэна отразился в глазах Си. На самом деле, весь этот разговор, где три человека скрестили шпаги, был полностью зафиксирован камерами, спрятанными в углах. Как только Линь Хуайшэн вошел в загон, Си немедленно вернулся в комнату мониторинга, сел, настроил оборудование и, не отрываясь, следил за происходящим, впитывая каждое слово. Он даже не замечал, как серьезен и сосредоточен, словно собирался на самое важное свидание в жизни.

Его сообщник, прислушавшись к паре фраз, не удержался от комментария:

— Что за шум? Еда? Похоже, их еще недостаточно проучили. — Мужчина затянулся сигаретой.
— Си, может, мне вытащить их и устроить еще одну взбучку?

Видео вчерашнего избиения Исера уже было выложено в сеть. Чтобы заставить Федерацию пойти на уступки, они изначально планировали действовать жестоко — например, убить одного из заложников. Но Си в последний момент изменил план. Хотя видео по-прежнему вызывало в сети волну гнева и паники, их давление на Федерацию и попытки прощупать почву пока напоминали бросок камня в океан — никакой реакции не последовало. Это неизбежно раздражало преступников. У них не было терпения, и им требовалось немедленно выплеснуть накопившееся напряжение.

Си бросил холодный взгляд на соседа. В темном, замкнутом помещении, освещенном лишь голыми лампами под потолком и светом экранов, лицо мужчины было наполовину скрыто тенью, а на той половине, что оставалась в темноте, виднелся длинный выпуклый шрам.

Здоровяк, который до этого держался свысока, вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он выпрямился:

— Многоножка, что с тобой?

Такие отъявленные негодяи, как они, казалось, были отмечены самим дьяволом, обладая звериным чутьем на опасность. Здоровяк, вероятно, сам не осознавал, что его подсознание кричало: Что ты собираешься со мной сделать?

Си пристально смотрел на сообщника.

Наступили короткие, звенящие тишиной секунды, и атмосфера стала невыносимо тяжелой.

— Потуши сигарету.

Наконец, холодно приказал Си.

Через несколько мгновений здоровяк, не выдержав давления, покорно затушил окурок, оставив на старой столешнице черное пятно. Си снова повернулся к монитору. Вскоре его сообщник покинул комнату.

Си не понимал, почему внезапно запах табака стал для него таким отвратительным. Казалось, это удел обывателей, а он теперь рвал связи с этой пошлостью. В какой-то миг он возненавидел своих подельников, их грубость, их попытки прощупать почву, их интриги. Он стал еще более циничным, ему не нравилось ничего, единственное положительное чувство исходило лишь от того самого ягненка, которого он запер в своей коробке.

Звук из мониторов был не слишком четким, но Си вслушивался в каждое слово. Эти невежды ставили под сомнение его мотивы, высмеивали глупость ягненка, твердили, что их связь непрочна. Это лишь потому, что они — не он и не его ягненок! Но почему он не дал Линь Хуайшэну поесть? Он видел, как спадает жар у юноши, видел, как страдает его организм, так почему? Случайность или умысел? Сначала Си думал, что это была его оплошность, но после слов Исера он понял — он сделал это намеренно. Это его заложник, его пленник, его ягненок. Его глаза, его рот, его воля — все должно принадлежать ему. Он хотел контролировать всё, обладать всем, а обладание требует приручения. И еда — один из способов приручить ягненка.

Еда, в которой нуждаются все, отталкивает ягненка от остальных и толкает его прямо в руки хозяина.

Наступит ли момент, когда ягненок будет нуждаться в нем даже больше, чем в еде?

Тусклый свет экрана отражался на лице Многоножки, и шрам от глаза до самого уха, казалось, оживал в его фантазиях.

...

Линь Хуайшэна снова вывели отдельно. Как раз в обеденное время.

— Мистер Си, куда вы меня ведете?

Линь Хуайшэн послушно следовал за ним, ступая медленно и осторожно.

В какой-то момент мужчина замедлил шаг. Он тянул за веревку, привязанную к запястью ягненка — веревку, которую он немного ослабил, когда привязывал снова. Они шли неспешно, и эта темница, полная зла, вдруг превратилась в уютный, лишенный ветра и света сумрачный сад.

Си чувствовал отчужденность ягненка; недружелюбное отношение и слова других заложников определенно повлияли на Линь Хуайшэна. Си скривил губы, его выражение лица стало нечитаемым.

— Скоро узнаешь.

Мужчина осознал, что испытывает странное раздражение по отношению к Линь Хуайшэну. Хотя это и было частью процесса приручения, пастух тоже платит свою цену. Си хотел полностью подчинить Линь Хуайшэна, надеть на него ошейник со своим именем, но для этого нужно было что-то поставить на кон в этой сделке. Свои эмоции, свое непокорное сердце. Си одновременно противился этому и испытывал какое-то оцепенение, граничащее с удовольствием. Источником этого удовольствия был мальчик, которого он вел за собой, поэтому Си очень быстро подавил в себе гнев.

Си привел Линь Хуайшэна в свои владения, указал, где стоит стул, и когда увидел, как тот сел, кротко сложив руки на коленях, его сердце наполнилось удовлетворением.

Маленький ягненок что-то учуял, его ноздри едва заметно затрепетали — это было так мило, но еще милее было его выражение лица. Сомнение, неуверенность, вера и сдержанная радость — неужели это те чувства, которые он сам пробудил в Линь Хуайшэне? Си стоял в двух шагах, не в силах насмотреться. Он тоже придвинул стул, бесшумно и ловко опустился на него, оказавшись на одном уровне с глазами Линь Хуайшэна, и принялся тихо наблюдать за ним, наслаждаясь моментом.

Прошло не больше полуминуты, но Си показалось, что он уже запомнил каждое выражение лица Линь Хуайшэна. Он пододвинул к нему дымящуюся, источающую аромат чашку лапши быстрого приготовления.

— Ешь.

Он не стал объяснять, почему вдруг решил покормить Линь Хуайшэна, а значит, не нужно было объяснять и то, почему вчера он заботился о нем, но не давал еды.

Линь Хуайшэн не сразу притронулся к еде.

Его пустые глаза были устремлены прямо на чашку, словно он пытался разглядеть сквозь нее своего похитителя.

Си не знал, что его смущает, но, глядя в глаза юноши, помедлил. Когда Си уже начал думать, не покормить ли ягненка с ложечки, Линь Хуайшэн сам нарушил тишину. Он нащупал палочки и, не теряя времени, уткнулся лицом в чашку.

Веревки не были сняты, поэтому ему приходилось держать чашку и палочки довольно неудобно. Но юноша вцепился в них так крепко, что пластиковая упаковка, размягченная от жара, прогнулась под его пальцами. Жажда еды, подстегнутая грубым, но таким манящим ароматом лапши, полностью завладела Линь Хуайшэном. Он был ужасно голоден и стремился как можно скорее насытиться. Си даже не видел лица ягненка, лишь его макушку и веревку, врезающуюся в запястье. Через некоторое время Си заметил, как тело юноши мелко дрожит.

Си положил руку на затылок Линь Хуайшэна и слегка сжал, побуждая поднять голову.

Что выберешь: еду или мистера похитителя?

Линь Хуайшэн поднял голову, и Си увидел лицо, перепачканное бульоном и лапшой. Выглядело это нелепо, но Си почему-то нашел это милым.

Милый — удивительное слово. Кажется, когда ты начинаешь считать кого-то милым, все, что он делает, становится милым.

Си забрал у Линь Хуайшэна еду и пластиковую вилку — это была маленькая проверка, и ягненок никогда не разочаровывал своего похитителя. Линь Хуайшэн не оказал никакого сопротивления, и Си легко забрал чашку.

Он поставил ее на стол, достал салфетку и протянул Линь Хуайшэну, чтобы тот мог привести себя в порядок.

— Как ты умудрился так испачкаться?

Линь Хуайшэн, услышав, что в голосе мужчины нет упрека, вытирая лицо, смущенно улыбнулся. Си понял, что ему нравится видеть эту улыбку.

На этот раз Си сам взял чашку, накрутил лапшу на вилку и начал кормить Линь Хуайшэна.

Он говорил: «Открой рот», и юноша послушно подчинялся. Они действовали настолько слаженно, что, будь Линь Хуайшэн его сообщником, он стал бы самым верным и преданным приспешником.

Ягненок ел, шумно втягивая горячую лапшу, иногда обжигался, и тогда его глаза плотно закрывались, а ресницы подрагивали. Его искренний, неподдельный аппетит, который удовлетворял Си, вызывал у последнего странное чувство сытости, хотя он сам не съел ни кусочка.

Поев, Линь Хуайшэн немного пришел в себя и даже заговорил с Си о самых обычных вещах.

— ...Я угадал марку?

— Не думал, что мистер Си тоже покупает такую. Раньше, когда я засиживался в лаборатории и не успевал в столовую, я ел ее в общежитии.

Он делился с Си своим прошлым.

Си знал только застенчивость Линь Хуайшэна, и впервые видел, чтобы тот так естественно и много с ним разговаривал. Слишком много. Си почти мог представить, каким он был раньше.

Тот Линь Хуайшэн, который не был втянут в это похищение.

Обычный азиатский студент.

Но теперь он стал его ягненком.

Си хотел слушать его еще, но в то же время не хотел, чтобы он продолжал.

Мужчина взял кусочек хлеба — как раз такого размера, чтобы заткнуть рот Линь Хуайшэну. Ягненок, чье лицо с заостренным подбородком теперь выглядело чуть круглее из-за еды, вопросительно посмотрел на Си.

Си коротко бросил:

— Ешь.

В тот день Линь Хуайшэн вернулся, окутанный ароматом еды.

Войдя, он не обратил внимания на Исера и Арнольда, нашел в углу место, лег, а через некоторое время повернулся к ним, потирая свой полный «бремени» живот.

<http://bllate.org/book/20559/2054833>